

СОВРЕМЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВИКТИМИЗАЦИИ

ПАВЛОВА Л.В.

Криминологическая обстановка в Республике Беларусь на протяжении последних десяти лет характеризуется тенденцией снижения преступности. Вместе с тем наблюдается рост количества потерпевших с увеличением удельного веса преступлений, причиняющих физический, имущественный и (или) моральный вред конкретным лицам [Приложение Б]. Во многом это обусловлено формированием новых видов общественных отношений, приводящих к тому, что экономические, политические, социальные и психологические противоречия нередко не уменьшаются, а, наоборот, возрастают. Некоторые из проблем современности заслуживают рассмотрения на предмет рисков и угроз национальной безопасности [51; 262]. В уголовно-правовой сфере в дополнение к корыстно-насильственной преступности, которая рассматривается как традиционная, в настоящее время появляются качественно новые преступные проявления, негативно отражающиеся на жизнедеятельности частных лиц, общества и государства в целом.

К сожалению, право, как регулятор общественных отношений не всегда своевременно регламентирует вопросы, связанные с научно-техническим прогрессом, что приводит к запаздыванию социально-правового контроля, установлению соответствующих уголовно-правовых запретов и ситуациям правовой неопределенности, в которых оказываются граждане в случае нарушения их прав и законных интересов. Все чаще на смену очевидным и тривиальным преступлениям приходят детально продуманные, тактически и психологически выверенные, маскировочно растянутые по времени и состоящие из множества действий, которые подлежат установлению при уголовно-правовой оценке и доказывании совершенного общественно опасного деяния, виновности лица и иных значимых обстоятельств. Стремительный рост преступлений с использованием информационных ресурсов и цифровых технологий ставит перед государством новые задачи в сфере противодействия преступности. Следует вести речь о криминализации ранее неизвестных деяний, совершаемых в виртуальном пространстве, направленных против общественных отношений и способных причинить вред любому их участнику либо особо уязвимым категориям населения (груминг несовершеннолетних). Все более актуальной становится проблема профилактики виктимизации и девиктимизации не только отдельных граждан ввиду их личных свойств, но и отдельных социальных групп населения, объективно включенных или специально вовлекаемых в общественные отношения, имеющие виктимогенные риски.

Указанное обуславливает необходимость выделения видов криминальной виктимологии для создания в первую очередь адекватных инструментария и технологий работы в таких направлениях, как кибервиктимология, виктимология терроризма и экстремизма, ювенальная виктимология, виктимология наркотизма и иных асоциальных зависимостей, виктимология «толпы» и др. Данный подход, основывающийся на многоаспектном изучении свойств личности, специфике отношений, выстраиваемых в закрытых группах, позволит более широко подойти к выявлению причин и условий совершения определенных видов преступлений, их генезиса, сопутствующих факторов, что необходимо для определения действенной стратегии и реализации эффективных мер противодействия преступности.

Изложенное свидетельствует о недопустимости игнорирования проблем виктимизации и необходимости неотложного их решения с учетом достижений не только гуманитарных, но и медицинских, технических, иных наук, а также положительного опыта зарубежных стран в части охраны и восстановления нарушенных прав и законных интересов физических лиц. Для подтверждения социальной значимости указанного вопроса рассмотрим некоторые из указанных проблем.

Профилактика насильственных преступлений с учетом созависимости жертвы.

Изучение отношений, сложившихся между преступником и жертвой, имеет большое значение для объективного установления всех обстоятельств преступления и предотвращения повторения содеянного. Особенно важны такие сведения для расследования преступлений насильственной направленности, т.е. связанных с причинением вреда жизни или здоровью человека. По возможности, с лицами, склонными к совершению преступлений, проводится профилактическая работа, целесообразность которой отмечается в специальной литературе [4; 112; 257].

В свою очередь, исследование проблемы причинения вреда жизни или здоровью невозможно без рассмотрения вопросов, связанных с потерпевшим. Статистические данные свидетельствуют, что в ряде случаев насильственные действия совершаются в отношении лиц из ближайшего окружения: родственников, членов семьи, сожителей на почве семейно-бытовых конфликтов. Преступления такого рода могут иметь случайный характер или следовать из образа жизни преступника, его отношения к близким людям.

Ситуации совместного проживания либо систематического общения с лицом, склонным к агрессивному асоциальному поведению, свидетельствуют, что некоторые лица намеренно сохраняют взаимоотношения с партнером, который может причинить серьезный вред их жизни или здоровью. Тем самым они осознанно выступают в качестве потенциальных потерпевших (жертв насилия). Причины такого поведения могут быть различны, основные из них – экономическая и психологическая (эмоциональная) зависимость. Последняя более субъективна и при желании лица может быть скорректирована, в связи с чем представляет особый интерес для исследования.

Разновидностью психологической зависимости является созависимость (codependency). В прикладном аспекте созависимость широко исследуется прежде всего в психологии [56; 74; 301]. В общем виде созависимость понимается как системная дисфункция, которая у близких лица, зависимого от употребления психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков и т.д.), вызывает чрезмерную сфокусированность вне своего «Я» и наполняет их личный смысл отношениями с данным зависимым лицом. Общий постулат о том, что человек проявляет себя во взаимоотношениях, уточняется тем, что созависимый без партнера себя не мыслит, главной становится идея об улучшении жизни зависимого партнера.

Одними из первых на проблему созависимых обратили внимание специалисты лечебных центров Миннесоты, работавшие с женами анонимных алкоголиков, поскольку эти женщины проявляли набор общих характеристик. В настоящее время наиболее распространены два подхода к объяснению генезиса созависимости: в одном случае говорится, что созависимость является следствием тесного взаимодействия с асоциальным партнером, в ходе чего лицо начинает изменять свои взгляды, привычки, подстраиваться под зависимого (патологический путь формирования себя); в другом – рассматривается как своеобразный вариант развития личности с потребностью реализовывать себя через другого человека, для чего и подыскивается соответствующее лицо.

Зависимость от психоактивных веществ, проявляясь в психофизическом состоянии, изменяет уровни бодрствования, выносливости, физического самочувствия и др.; на соматическом уровне отсутствие объекта потребности ведет к достаточно глубоким отклонениям и расстройствам организма. Соответственно, у лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, чаще ухудшается состояние здоровья, снижается самоконтроль, нарушается адекватное восприятие происходящего, обостряются негативные реакции на высказывания, поведения иных лиц. Жизнь зависимых с присущими им проблемами алкоголизма или наркомании, становится частью жизни их окружения. В случае формирования созависимости потенциальная возможность стать жертвой насилия, совершенного партнером, имеющим зависимость от психоактивных веществ, существенно возрастает и это представляет наиболее проблемное поле профилактики насилия.

Исследователи отмечают, что зависимый и созависимый редко пытаются что-либо изменить сами или с чьей-то помощью [300, с. 74]. Складывающиеся отношения на психологическом уровне могут быть объяснены взаимным утилитаризмом, удовлетворением личных потребностей, снижением внутренней тревоги с помощью контроля и гиперпротекции или самоутверждением путем давления на партнера и т.п. Созависимый старается поддержать, увлечь заботой и любовью, не оставить в беде или вылечить зависимого [74, с. 76]. Порой созависимые связывают смысл своей жизни с необходимостью изменения привычек партнера. И нередко остаются разочарованными, поскольку на другом полюсе оказывается право лица, страдающего зависимостью, быть таким, какой он есть, изменять или не изменять себя, решать проблему исходя из собственных взглядов и ценностей.

Тем самым созависимый попадает в ловушку, известную как треугольник «спасательства», что необходимо учитывать в работе с такими лицами и при оценке их действий. Психологами это описывается следующим образом: созависимый, выступая в роли спасателя, после бесплодных попыток образумить безответственного опекаемого начинает чувствовать себя жертвой происходящего, а подопечного воспринимает как источник неприятностей, т.е. как преследователя. Если на этом этапе отношения не будут прекращены, при нарастании раздражения созависимый из роли «спасателя» и «жертвы» может перейти в роль «преследователя» – унижать, подвергать карательным воздействиям, в т.ч. насилию, лицу, имеющее зависимость. Но и это может устраивать пару: наказанный зависимый становится еще более несчастным, всячески сигнализирует об этом партнеру, который, отреагировав накопленные эмоции, вновь готов вернуться к исходной роли заботливого «спасателя», и отношения переходят в привычную для них форму [74, с. 71–73].

При этом ввиду продолжительно воздействующего стресса конфликтное взаимодействие может стать естественной частью отношений; предсказуемость конфликтов понижает страх перед ними и, соответственно, необходимость обращения за помощью к третьим лицам, в правоохранительные органы. В таких случаях существует вероятность, что внешнее вмешательство (например, помещение зависимого в лечебно-профилактическое учреждение) без системной психологической (психотерапевтической) помощи разорвет конкретную социальную связь, но не стереотип поведения созависимого лица. Не исключено, что при случае созависимый возобновит отношения или установит новые социальные связи с другим лицом, склонным к употреблению психоактивных веществ, и реализует привычный для него сценарий «спасателя», «жертвы». В литературе отмечается, что именно по принципу спасательства на протяжении многих лет строятся взаимоотношения между супругами, когда один из них имеет алкогольную зависимость, родителями и детьми, страдающими наркотической зависимостью, и т.п. [74, с. 73].

В отечественной криминологии такого рода межличностным отношениям партнеров уделено немного внимания. Вместе с тем в работе Т.Г.Терещенко отмечено, что женщины значительно чаще, чем мужчины, совершают именно криминальное насилие в семье в ответ на агрессию лица, который в дальнейшем признается потерпевшим; 81 % всех жертв от умышленного причинения тяжких телесных повреждений были в той или иной степени знакомы с преступником; в структуре социальных связей преступника и жертвы первое место (55 %) занимали отношения социально-бытового характера (супружеские, родственные, сожительство) [257, с. 96–99].

Изучение психологических особенностей межличностного взаимодействия при созависимости одного из партнеров особо необходимо для правильной квалификации спровоцированной агрессии и совершенных насильственных действий в ситуации инверсии ролей. Для установления всех обстоятельств происшедшего следует учитывать личностные и поведенческие характеристики лиц, обращаться за разъяснениями к специалистам в соответствующих областях знаний, поскольку при расширении спектра

вопросов, подлежащих выяснению, снижается возможность упущения значимых обстоятельств и принятия ошибочного решения при правовой оценке происшедшего.

Изложенное также позволяет отметить, что эффективная профилактика насилия в отношении лиц из числа ближайшего окружения невозможна при использовании только правоограничивающих мер. Это подтверждается случаями обращения лиц в правоохранительные органы в связи с совершенным в отношении них насилием и последующими отказами от привлечения правонарушителя к ответственности (административной, уголовной). В таких ситуациях осознанно либо неосознанно лица не настроены на решение проблемы по существу. Соответственно, профилактическую работу необходимо проводить не только с потенциальными правонарушителями, но и потенциальными жертвами. Основным направлением видится проведение системной работы по повышению культурного уровня созависимых, их правосознания, выявлению и изменению иррациональных и деструктивных установок, мотивированию к саморазвитию, социально одобряемому самовыражению. **Профилактика суицидов среди несовершеннолетних посредством совершенствования уголовно-правовой охраны семейной тайны.** Право на неприкосновенность частной жизни принадлежит каждому человеку от рождения, позволяя сохранять в тайне сведения, составляющие его личную или семейную тайну. Данное право предусматривается и обеспечивается Конституцией Республики Беларусь и отраслевым законодательством. Запрет на незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни установлен в ст. 179 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Легальные определения частной жизни, личной, семейной тайны в национальной правовой системе отсутствуют. Сформулировать их сложно, поскольку они касаются различных сторон жизнедеятельности человека; в то же время это негативно сказывается на защите нарушенных прав и законных интересов, многие преступления остаются латентными. Сужение сферы частной жизни до указания на семейную тайну лишь условно определяет некоторые границы охраняемой информации, поскольку семейная тайна может касаться и живых, и умерших членов семьи, может быть связана с вопросами политики, религии, межличностных отношений, бытовых условий, устоев и взглядов, передаваемых из поколения в поколение, и т.п. В уголовно-правовой сфере это затрудняет решение вопросов о том, кто может быть признан носителем семейной тайны; кого рассматривать в качестве потерпевшего, если распространена информация о жизни (смерти) умершего члена семьи, касающаяся иных членов семьи, о которой те не были осведомлены; что рассматривать в качестве общественно опасных последствий незаконного распространения информации о частной жизни, составляющей семейную тайну, и др.

В качестве отправной точки решения некоторых обозначенных проблем обратимся к работам, в которых предприняты попытки определения понятия семейной тайны. Многие исследователи солидарны в понимании того, что семейная тайна – это групповая тайна, носителями которой являются члены одной семьи [41, с. 49–51; 151, с. 45]. Данная тайна представляет собой определенную информацию о семье, которую члены семьи согласованно договариваются не распространять. В качестве носителей семейной тайны следует рассматривать членов семьи в ее расширенном составе (ст. 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье), которым известна информация, согласованно сохраняемая в тайне. Ознакомление с информацией, представляющей семейную тайну, лиц, которым такая информация стала известна в связи с осуществляемой ими профессиональной деятельностью, не должно рассматриваться как доступность информации неопределенному кругу лиц. Такие лица должны придерживаться норм профессиональной этики и нести повышенную ответственность в случае незаконного распространения известной им информации. Не должно рассматриваться в качестве незаконного распространения семейной тайны раскрытие информации, которая носит противоправный характер.

В некоторых случаях совершеннолетними членами семьи информация может сохраняться в тайне не только от посторонних, но и от несовершеннолетних членов данной семьи. Подобная информация может быть как негативного, так и положительного или нейтрального содержания. Главное, что, по мнению носителей семейной тайны, преждевременное ознакомление ребенка с такой информацией может вызвать у него сильные эмоциональные переживания, повлиять на физическое и психическое развитие, принадлежность конкретному семейству и т.д. Такую информацию можно определить как особую (внутреннюю) семейную тайну.

Например, в качестве предмета семейной тайны, охраняемой взрослыми членами семьи от распространения подрастающему поколению, возможно рассматривать информацию об уходе из жизни одного из членов семьи посредством суицида или о совершенных им попытках суицида. В научной литературе по психологии нет единства мнений о влиянии поведения суицидента на дальнейший образ жизни остальных членов семьи. Одни исследователи рассматривают это как миф, который поддерживается самими психологами, другие – как обстоятельство, значимо влияющее на семейный (родительский) сценарий, восприятие собственного «Я», выстраивание жизненной позиции, формирование подхода к преодолению трудностей и др. [184, с. 113–124].

Незаконное раскрытие несовершеннолетнему информации о суициде или попытках суицида, совершенных членом его семьи, не влечет для лица, раскрывшего такую информацию, ответственность по ст.ст. 145, 146 УК, если им не предпринимались иные действия, непосредственно направленные на доведение или склонение несовершеннолетнего к самоубийству. Но несовершеннолетним присущи эмоциональная нестабильность, некритическое восприятие информации, некоторая иррациональность суждений, в связи с чем информация о суициденте в семье может негативно отразиться на их дальнейшем поведении и образе жизни.

В специальной литературе приводятся следующие примеры деструктивного поведения, которое возможно при получении указанной информации: поиск виновного в произошедшем может привести к конфликтам в семье, обострению детско-родительских отношений;

возможно амбивалентное отношение к покончившему жизнь самоубийством (с одной стороны, может быть жалость, с другой – страх самоидентификации с данным близким лицом);

отказ от родовой идентичности (соответственно, и ранее усвоенного образа жизни);

непринятие в себе психологических сходств с членом семьи, совершившим самоубийство, может способствовать жесткой самодеструкции, без поддержки лицо может оказаться в замкнутом круге, прийти к выводу о безвыходности ситуации;

вина при переживании осложненного горя нередко представляет собой аутоагрессивный акт, который выражается в символических самонаказаниях и самоограничениях горящего человека [184, с. 119–123].

Кроме того, при возникновении жизненных трудностей несовершеннолетний (а равно другой член семьи либо повзрослевший «несовершеннолетний») может повторить содеянный акт как принятый в семье, а следовательно, как «естественный поступок».

В связи с указанным при выяснении обстоятельств суицида или попыток суицида, совершенных несовершеннолетним, помимо поведения и характеристик несовершеннолетнего, его физического и психического развития, отношений с родственниками, сверстниками и др., необходимо устанавливать, совершались ли в семье суициды либо попытки суицида и не являлось ли это семейной тайной, которая была незаконно распространена несовершеннолетнему третьим лицом. В иных случаях внезапного нарушения нормального физического и психического развития ребенка также следует выяснять, не была ли незаконно распространена несовершеннолетнему иная значимая информация, составляющая семейную или личную тайну члена его семьи

(например, развод, наследственные заболевания, смена пола одним из членов семьи, личные наклонности и привычки близких и др.), и давать правовую оценку содеянному.

Учитывая тяжесть последствий (причинение вреда психическому здоровью несовершеннолетнего или иные тяжкие последствия), которые могут наступить, когда личная или семейная тайна одного из членов семьи умышленно незаконно распространена несовершеннолетнему, в уголовном законодательстве целесообразно предусмотреть положения, устанавливающие повышенную ответственность для лица, распространившего такую информацию. Соответствующие дополнения могут быть внесены в ст. 179 УК.

Реализация предлагаемого подхода будет способствовать совершенствованию уголовно-правовой охраны интересов семьи, повышению правосознания граждан, проявляющих излишний интерес к жизни иных лиц, и выступит средством профилактики незаконного распространения информации, которая может привести к тяжким последствиям.

Формирование деструктивного поведения несовершеннолетних посредством социальных сетей: проблемы выявления, уголовно-правовой оценки и противодействия. При рассмотрении современной преступности и проблем предотвращения виктимизации населения необходимо обратить внимание на обстоятельства, способствующие формированию у несовершеннолетнего установки причинить вред себе либо окружающим. В настоящее время важной частью жизни все большего количества несовершеннолетних становится виртуальная реальность. Общение в интернет-пространстве предоставляет новые возможности для саморазвития и самореализации, но в то же время порой таит в себе определенные риски и угрозы. Печальную известность не только в Республике Беларусь, но далеко за ее пределами получили игры «Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «f57», «Момо» и др., ныне рассматриваемые как «группы смерти», связанные с совершаемыми подростками суицидами.

Выбирая по играм, переписке наиболее внушаемых и исполнительных несовершеннолетних, администраторы «групп смерти» привлекают их в закрытые чаты, где убеждают в никчемности жизни, избранности и посмертном познании истины, обучают, как скрывать информацию от родителей, очистить компьютер от сведений о переписке. Безусловно, не все остаются в группе, кто-то воспринимает это как глупую затею, устаёт от «бредовых» заданий. Но не у всех подростков находятся равноценные группы общения на социально приемлемые темы; и, наоборот, срабатывает повышенная способность к восприятию внушения. Оставшимся предлагают такие задания, как убить какое-то животное, встать на край крыши или порезать себе вены и выложить соответствующее фото. Выполняя подобного рода задания, они повышают свой статус в группе, администраторы присматриваются к ним ближе, общаются напрямую, что является весьма ценным для подростков, поскольку данные лица для них значимы и авторитетны, а их поручения, соответственно, обязательны для исполнения. При этом критическое восприятие деструктивной информации, получаемой в данной группе, снижается, срабатывает своего рода принцип «нормы», когда обсуждаемая тема и задания одобряются и разделяются членами группы, в связи с чем воспринимаются без отторжения.

Наиболее известным является расследованное в Российской Федерации дело о двух эпизодах покушения на доведение до самоубийства, по которому в июле 2017 г. осужден Ф.Будейкин. По неофициальным данным, его жертвами, а также жертвами его единомышленников стало большее количество несовершеннолетних [126]. Справочно об игре «f57» (по материалам российских информационных изданий, в т.ч. интервью с руководителем следственной группы по делу Ф.Будейкина): выжившая после попытки суицида школьница дала показания, которые легли в основу уголовного дела одного из администраторов «групп смерти» Ф.Будейкина (Лис). Она, так же как и другие подростки, сидела в социальной сети, просто любопытствовала. По ссылкам оказалась в группе, в

которой пропагандируется и культивируется суицид. Все как в тоталитарной секте: вполне нормального человека унижают, используют в своих интересах, а он с благодарностью это принимает, думая, что так надо для его же пользы... Девочка дала показания о том, как оказалась в закрытой группе и начала выполнять задания, как тяжело давался ей просмотр видеофайлов, которые Лис буквально вынуждал ее смотреть по ночам: «мрачная, тяжелая музыка, черный фон, а потом на мгновение экран вспыхивает красным, показывается человек на рельсах, и тут же его сшибает поезд – вспышка, и опять плач и визг, разрывающие душу». Усталость от хронического недосыпания накапливалась, и ребенок становился более подвержен психологическому воздействию в части формирования суицидальных намерений... К счастью, девочку вовремя доставили в больницу [37; 126].

Другой пример с ребенком более младшего возраста. В группе девочка стала идентифицировать себя с одним из аниме-героев, начала следить за сюжетной линией персонажа, обсуждать его с другими поклонниками, подражать ему. Потом создатели группы поставили ее перед выбором: или продолжаешь с нами общаться и рисовать то, что мы скажем, или твой герой по сюжету умрет. Ребенок начал воплощать на бумаге суицидальные мотивы, как от него и требовали... Иногда рисунки в чате сопровождалась подписями вроде «Ты никому не нужна», данный посыл получал реализацию в виде личных сообщений ребенка «В этом мире мне нет места» и др. [37]. Приведенные примеры свидетельствуют, что несовершеннолетние подвергались психологическому манипулированию, в т.ч. с целью доведения их до суицида. Использовались подростковая несформированность взглядов на жизнь, повышенное эмоциональное восприятие происходящего, личные характеристики (одиночество, особенности телосложения, увлечения, страхи и др.). При этом, когда виртуальные окружающие воспринимаются как единомышленники и близкие друзья, в такой подготовленной суицидальной среде шансов на объективное понимание происходящего у подростка остается крайне мало. О «беглецах в интернет» и их потребностях даны комментарии отечественных психиатров с многолетним стажем работы [157]. Применительно к рассматриваемой проблеме безусловного одобрения заслуживает дополнение ст. 342¹ УК, которая устанавливает уголовную ответственность за пропаганду самоубийства.

Можно предположить, что внешнее целенаправленное воздействие на подростка осуществляется с целью не только его самодеструкции, но и причинения им вреда другим лицам. Данный вывод заслуживает практической проверки, особенно в случаях, когда выявляются факты причинения вреда жизни или здоровью лица при отсутствии весоных для этого оснований. Подобного рода преступления вызывают общественный резонанс и острую полемику о причинах происшедшего [203], поскольку очевидна необходимость принятия адекватных превентивных мер.

Важно учитывать, что предоставленная несовершеннолетнему и усвоенная им информация об отношении к тем или иным социальным объектам и вопросам самореализации формирует избирательность и направленность психических процессов и со временем воспринимается как личная установка, предрасположенность к определенному поведению. Достижению данного эффекта способствуют эмоциональная лабильность, в целом психофизиологическое состояние несовершеннолетнего и применение различного рода психологических манипуляций [86]. При использовании методик асоциальной направленности подростки могут быть доведены до состояния пограничной психопатологии. О спровоцированном психическом отклонении (острый шизофренический психоз, иное пограничное состояния психики) могут свидетельствовать беспричинность совершения некоторых деяний, неосознанность их опасности, противоправности, непринятие мер по самосохранению или сокрытию уличающих предметов, если содеянное наказуемо, и др.

В случае целенаправленного формирования у несовершеннолетнего деструктивного поведения для последующего совершения им преступления истинная причинно-

следственная связь в следовой картине преступления достаточно быстро утрачивается. Ситуация усугубляется тем, что вопросы генезиса противоправных намерений не всегда включаются в круг исследуемых обстоятельств и тем самым не учитываются при квалификации содеянного. Исходя из изложенного, для установления всех обстоятельств преступления, совершенного несовершеннолетним с применением насилия при отсутствии очевидных причин и мотивов, следует выяснять круг общения несовершеннолетнего, в т.ч. виртуальных собеседников, на темы, связанные с совершенным преступлением. В ходе судебной психолого-психиатрической экспертизы помимо исследования типичных вопросов, касающихся несовершеннолетнего и совершенного им деяния, дополнительно следует выяснять вопросы о состоянии несовершеннолетнего в период общения с лицами, склонявшими его к причинению физического вреда себе или другим.

В случае выявления применения насилия или угрозы применения насилия к несовершеннолетнему или его близким, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые лицо намеревалось сохранить в тайне, принуждения просматривать аудио- и видеозаписи, содержащие сцены насилия, систематического унижения его личного достоинства, причинения психических страданий, иного жестокого обращения с несовершеннолетним с целью выполнения им определенных заданий необходимо возбуждать уголовные дела (например, по ст.ст. 154, 172, 185 УК), а несовершеннолетнего в таких случаях признавать потерпевшим. При этом содеянное в отношении несовершеннолетнего должно учитываться в качестве обстоятельства, смягчающего его ответственность за совершенное преступление, обусловленное указанным психологическим воздействием.

Кроме того, к уголовной ответственности за преступление, совершенное несовершеннолетним, должно также привлекаться лицо, целенаправленные действия которого повлекли противоправное поведение несовершеннолетнего. Безусловно, эта проблематика требует комплексного изучения психологами, криминологами, криминалистами, и определенные шаги в данном направлении уже предпринимаются [219, с. 276–280]; в теории уголовного права следует актуализировать учение о соучастии, в т.ч. о выполняемых ролях, о посредственном (опосредованном) исполнении преступления, на что уже обращалось внимание белорусскими учеными [199, с. 188–189], проанализировать вопросы квалификации деяний, совершенных в состоянии гипнотического внушения как вида психического принуждения или крайней необходимости с учетом ее понимания несовершеннолетним и др. Данные проблемы представляются актуальными, многоаспектными и заслуживающими обстоятельного исследования.

В целях профилактики негативного психологического воздействия, оказываемого с использованием информационных ресурсов, несовершеннолетних следует обучать не только правилам безопасного поведения в интернет-пространстве, но и методам защиты от манипуляций путем развития критического мышления, распознавания соответствующего воздействия, саморефлексии на вопросы о том, кому и зачем нужно, чтобы подросток причинил вред себе или окружающим, для чего это лично ему и т.п. В качестве положительной практики противодействия рассматриваемой проблеме следует также использовать российский опыт создания Центра спасения детей от киберпреступлений [37].

Изложенные проблемы подлежат дальнейшему изучению и обсуждению, что необходимо для эффективной уголовно-правовой охраны прав и законных интересов граждан, общества и государства, надлежащей уголовно-правовой оценки содеянного в случаях неочевидной инверсии ролей, психологического насилия, посредственного исполнения, а также создания действенного механизма профилактики виктимизации населения и тем самым адекватного противодействия преступности, все более

трансформирующей из очевидной в изоэренную, использующую новейшие научно-технические достижения во вред общественным отношениям.

Подписано в печать 24.12.2019

Материал предоставлен для включения в электронную библиотеку научных работ в области права Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь